

Внешний фактор в становлении албанской государственности (1878–1914 гг.)

Внешний фактор исторически играл в истории формирования албанской государственности гораздо большую роль, чем у других балканских народов. Особенно заметно это проявлялось в 1878–1914 гг. и было связано со следующими ключевыми обстоятельствами:

1. Более позднее, по сравнению с другими балканскими странами и территориями, формирование албанского национального движения, что объективно включало территории с албанским населением в ареал претензий и национальных программ со стороны других балканских народов;

2. Стремление ряда великих держав — в первую очередь, Австро-Венгрии, а также Италии — использовать Албанию и албанцев в собственных геополитических целях;

3. Сложные и внутренне противоречивые взаимоотношения Албании с Османской империей, вынуждавшие лидеров албанского национального движения учитывать более весь комплекс международных отношений в Европе в разрезе взаимодействия ведущих европейских столиц с Константинополем;

4. Усилившееся с приближением Первой мировой войны стремление великих держав обеспечить занятие албанского престола собственным ставленником, а также беспрецедентно широкие полномочия действовавшей в Албании в 1913–1914 гг. Международной контрольной комиссии;

5. Внутренняя противоречивость состава албанского национального движения еще во времена существования Призренской лиги 1878–1881 гг. и отсутствие ясной системы приоритетов и видения формата будущего Албанского государства.

Именно деятельность образованной летом 1878 г. и просуществовавшей три года Призренской (Албанской) лиги заложила международно-правовые основы процесса формирования албанской государственности. Албанская историография традиционно отводит этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли. Возлагая вину за будущее обострение сербско-албанских отношений вокруг Косово на Белград, проводивший жесткую политику в отношении албанцев, албанские ученые подчеркивают, что «отношение сербского правительства особенно поспособствовало ухудшению отношений между высланными албанцами из Южной Сербии и сербами из Косово (во время сербско-турецкой войны в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. — *П. И.*). Тогда албанское национально-освободительное движение поднялось до уровня движения за автономию, общее освобождение и независимость. Оно основало и собственный руководящий орган, иными словами, создало Албанскую Призренскую лигу, которая вела борьбу против всех возможных врагов и завоевателей»¹. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д. Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения»².

Однако в исторических трудах представителей других государств Балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституировавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают всё происходящее на Балканах в последующие годы (вплоть до настоящего времени) борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги и создание «Великой Албании» на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физического) других балканских народов³.

Русско-турецкий прелиминарный договор, подписанный в Сан-Стефано (совр. Ешилкёй, близ Стамбула) 19 февраля (3 марта) 1878 г., не содержал никаких упоминаний об Албании и албанцах. Подобная ситуация стала следствием, в том числе, нерегулированности разногласий самих великих держав по поводу настоящего и будущего Албании. Стоит напомнить, что даже секретное Рейхштадтское соглашение России и Австро-Венгрии, заключенное 8 июля 1876 г. по итогам свидания российского императора Александра II и министра иностранных дел князя А.М. Горчакова с их австрийскими коллегами Францем Иосифом и Д. Андраши в Рейхштадтском замке в Чехии, оказалось составленным таким образом, что русская и австрийская записи различались как раз применительно к албанским делам. В частности, согласно записи Андраши, Албания должна была стать автономной провинцией Османской империи, наравне с Болгарией и Румелией. В русской же версии упоминание об Албании отсутствовало⁴. Не прояснили ситуацию относительно Албании и подписанная 15 января 1877 г. в Будапеште еще одна секретная русско-австрийская конвенция, а также подписанная 18 марта того же года, но датированная 15-м января дополнительная конвенция⁵. Последний документ особо оговаривал «ожидаемые результаты предстоящей войны»⁶.

Неудивительно, что положения Сан-Стефанского мирного договора вызвали резко негативную реакцию в рядах набиравшего силу албанского национального движения. Как справедливо отмечает американская исследовательница Барбара Елавич, именно неспособность Высокой Порты отстаивать интересы региона, 70% населения которого составляли мусульмане, в основном лояльные Константинополю, заставила албанских лидеров не только организовать собственную оборону, но и создать автономную администрацию, подобную той, которой располагали Сербия и Дунайские княжества⁷.

Неудивительно, что уже с весны 1878 г. в албанском национальном движении всё большее распространение стала приобретать идея образования общеалбанской лиги, призванной способствовать объединению всех албанских земель в одно государственно-политическое автономное образование, а также воспрепятствовать планам великих держав и балканских государств добиться

отторжения в их пользу территорий, населенных албанцами. По последнему вопросу взгляды албанцев в принципе соответствовали интересам турецкого правительства (которое стремилось использовать албанское движение в интересах сохранения территориальной целостности Османской империи), а также вписывались во внешнеполитическую стратегию некоторых великих держав, в первую очередь, Великобритании и Австро-Венгрии, настаивавших на необходимости пересмотра Сан-Стефанского соглашения и планировавших использовать недовольство албанцев в качестве рычага давления на Россию. Местные албанские комитеты обороны были созданы в Косовском, Шкодринском и Битольском вилайетах. И уже 3 мая 1878 г. британский консул в Шкодере Герберт Грин сообщал о всеалбанском объединении как о почти что свершившемся факте: «В округах Гусинье, Плав, Бераны, Граничи и на большей части отрогов североалбанских гор была введена в действие лига последователей Мухаммеда, взявших индивидуальные и коллективные обязательства сопротивляться до самой смерти всем попыткам, проистекающим как извне, так со стороны верховного правительства, и направленным на изменение существующего состояния их территории. Их жители предприняли необходимые шаги для достижения соглашения с албанцами, проживающими далее к югу, в районах Призрена, Приштины, Фанди, Дибра (Дебар. — *П. И.*), Охрид и даже вплоть до Монастыря (Битоли. — *П. И.*)»⁸. Тот же Грин, к слову, предложил Форин-офису рассмотреть вопрос об использовании 15-тысячного корпуса албанских добровольцев из Дебара, Мата и других албанонаселенных районов «в случае войны с Россией», на которую в Лондоне готовы были пойти при нежелании Санкт-Петербурга пересмотреть положения Сан-Стефанского договора в том, что касалось независимости Болгарии в широких территориальных пределах⁹.

10 июня 1878 г. в городе Призрен с участием около 80 делегатов состоялось первое заседание Национального кувенда — всеалбанского Учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название — Призренская)¹⁰.

Среди собравшихся в Призрене делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и

представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и из Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»). Она имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский (Шкодринский) вилайеты. — *П. И.*) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»¹¹. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения¹².

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»¹³. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось ни принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей, ни хотя бы добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса.

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название «Албанская», и был избран новый состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил. Одно из положений Статута подтверждало положение Албанской лиги о формировании вооруженных подразделений «для защиты албанских территорий», причем, предусматривалось провести в этих целях в случае необходимости «мобилизацию всех мужчин, которые способны носить оружие»¹⁴. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»¹⁵.

В конце сентября 1878 г. радикальное крыло Албанской лиги, по-прежнему группировавшееся вокруг Стамбульского комитета, разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей¹⁶. Ее основные положения были опубликованы 27 сентября на страницах редактируемой одним из активистов албанского национального движения Сами Фрашери стамбульской газеты «Терджюман-и Шарк» («Рупор Востока») и включали в себя следующие пункты:

«1. Его Величество Султан должен защищать все права албанцев и не допустить, чтобы хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат;

2. Все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый вилайет, так назы-

ваемый «Албанский вилайет»; в его собственной среде должен быть выбран и назначен честный, способный и ученый вали, знающий страну, положение, обычаи и менталитет данного народа;

3. Официальные лица административной и судебной сфер, которые находились бы на службе в данном вилайете, должны знать язык страны, понимать проблемы и требования, которые выдвигает народ; на официальную службу необходимо назначать тех, кто может говорить с местными жителями без переводчика.

4. Не принимая во внимание религиозные и имущественные различия, демократическим и равноправным образом необходимо провести выборы пленарных советов таким образом, чтобы население нахий выбирало бы пленарные советы нахий, пленарные советы нахий выбрали бы пленарные советы казы, пленарные советы казы выбрали бы пленарные советы санджака, одновременно из состава этих советов избиралась бы Национальная ассамблея;

5. Каждый год Ассамблея проводила бы свои рабочие двухмесячные сессии в столице вилайета. Из числа избранных членов создавался бы Совет, выполняющий национальные требования, который бы рассматривал вопросы улучшения существующего положения и выносил несправедливости и упущения, допущенные чиновниками, на рассмотрение Национальной ассамблеи и представителя правосудия, если речь идет о подсудном деле. В этом случае судебный процесс над подобными чиновниками осуществлялся бы в рамках Национальной ассамблеи, а принятое решение приводилось бы в исполнение центральным правительством.

6. Вилайет поддерживал бы с Высокой Портой почтовую и телеграфную связь, а также вел переговоры на официальном османском языке, в то время как албанский язык использовался бы и применялся бы в суде, на встречах, заседаниях, в школах и гимназиях низшего уровня, которые уже существуют в областях Албании, и в тех, которые будут основаны позднее. Турецкий язык использовался бы лишь в некоторых областях знаний и наук — там, где без этого нельзя обойтись. Почтовая служба, письменность и обучение будут осуществляться на албанском языке, а из доходов вилайета, образующих прибыль, будет выделяться достаточно средств для развития науки и образования.

7. Вне зависимости от религиозных различий, все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии, которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»¹⁷.

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и поэтому носившее «протурецкий» характер¹⁸. Однако ряд турецких исследователей — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»¹⁹. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»²⁰. Аналогичную оценку дала этой программе в сентябре 1878 г. российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»²¹.

23 июля 1880 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской лиги, на котором лидер радикального крыла национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов из всех албанских областей еще более радикальный программный документ. Он на деле означал, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государствен-

ного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако, под давлением более умеренной их части, ее реализация была поставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабоорганизованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел город Скопье. В конце апреля 10-тысячная турецкая армия взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косово.

В развитии албанского национального движения наступил новый этап, кульминацией которого стали вооруженные восстания 1908–1912 гг. и провозглашение независимости Албании 28 ноября 1912 г. В связи с этим изменилось и стало более сложным и противоречивым влияние на указанный процесс внешнего фактора.

Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в европейских столицах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории.

Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на присоединение к нему Боснии и Герцеговины»²².

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области всё более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее, с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы²³), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства²⁴. Основной смысл и содержание борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»²⁵.

Данная характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту

провинцию, но не может допустить захвата ее другой державой. Адриатическое море должно остаться свободным»²⁶. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и даже мировая печать того времени всерьез рассматривала возможность военного конфликта между ними. Так, выходящая далеко от европейских просторов — в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «Дезерт ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»²⁷.

Что же касается России, то она, также руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем относилась с опасением к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетине от 13 мая 1910 г., подчеркивалась необходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»²⁸.

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, восстание «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, тур-

ки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»²⁹. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»³⁰. Одновременно, по мнению сербского дипломата, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста³¹.

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А.А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу

в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»³².

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства. Двойственное отношение к ним Греции определялось тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Оттоманской империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это, впрочем, вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»³³. С другой стороны, обострение вследствие восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татищев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»³⁴.

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское пра-

вительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двум организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с прочими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя то обстоятельство, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М.Н. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»³⁵.

Вполне определенные планы существовали и у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он впрочем не ожидает в близком будущем»³⁶.

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»³⁷.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений,

ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории³⁸.

Рассматриваемое восстание, прежде всего вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в албанском национальном движении), и политики невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, амнистия для участников восстания). Тем не менее, восстание свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, с Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также в связи с неудачной для Турции Триполитанской войной.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодере (так же как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью 50 видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»³⁹.

Одновременно с этим руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Глава сербского правительства Н. Пашич отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»⁴⁰. Однако эти попытки окончились провалом. Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории⁴¹.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей и соединений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев⁴².

16 июля 1912 г. в г. Влёра состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших. При этом, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»⁴³.

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влёры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд

европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»⁴⁴.

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования, а затем переданы специальной комиссии, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины, одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не были приняты, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом. Вместе с тем, следует согласиться с мнением сербского историка Милоша Ягодича, указывающего, что, несмотря на полученные албанцами в период до Балканских войн уступки, они более не имели в Константинополе надежной опоры в лице традиционно благоволившего к ним султана Абдул-Хамида, что делало их положение менее устойчивым, чем в предыдущие десятилетия⁴⁵.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны и на открывшейся 17 декабря того же года в Лондоне конференции дипломатических представителей великих держав началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов. И хотя данный форум не признал независимость Албании и постановил

создать в ней Международную контрольную комиссию, а также назначить собственного правителя в лице князя Вильгельма Вида, процесс формирования албанской государственности приобрел необратимый характер, а албанский фактор уже стал играть роль не объекта, а субъекта международных отношений в Европе.

Примечания

- ¹ *Brestovci S.* Marrëdhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830–1878). Prishtinë, 1983. F. 268.
- ² *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25.
- ³ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. №3.
- ⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 144–148.
- ⁵ Там же. С. 149–155.
- ⁶ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С. 38.
- ⁷ *Jelavich B.* History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries. London, 1999. P. 361.
- ⁸ *Skendi S.* The Albanian National Awakening. New Jersey, 1967. P. 35.
- ⁹ Краткая история Албании. М., 1992. С. 172.
- ¹⁰ *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.
- ¹¹ *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 18.
- ¹² *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London — New York, 1995. P. 33.
- ¹³ *Skendi S.* Op. cit. P. 45.
- ¹⁴ Краткая история Албании. С. 176.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Pollo S., Puto A.* The History of Albania. London, 1981. P. 125.
- ¹⁷ *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.
- ¹⁸ *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.
- ¹⁹ *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutluk. Izmir, 1944. F. 250.
- ²⁰ Краткая история Албании. С. 179.
- ²¹ Голос. 29.09.1878.
- ²² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.
- ²³ Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.
- ²⁴ *San Giuliano A. di.* Briefe über Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.
- ²⁵ Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.
- ²⁷ The Deseret Evening News. 1910. 24 Dec.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.

²⁹ Там же. Д. 2084. Л. 152.

³⁰ *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 270.

³¹ Там же. С. 271.

³² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.

³³ Там же. Л. 232.

³⁴ Там же. Л. 233.

³⁵ Там же. Л. 219.

³⁶ Там же. Л. 211.

³⁷ Там же. Л. 353.

³⁸ Там же. Л. 247.

³⁹ Там же. Л. 326.

⁴⁰ Там же. Л. 366.

⁴¹ Там же. Л. 247.

⁴² Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521.

⁴³ Документи о спольној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига V. Све-ска 2. Београд, 1985. С. 179.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Консуљство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.

⁴⁵ Подробнее см.: *Јагодић М.* Српско-албански односи у Косовском вилајету 1878–1912. Београд, 2009.